

Дается краткая обобщающая характеристика иркутского периода творчества архитектора Владимира Павлова. Рассматриваются региональные корни, интернациональный контекст и российские условия появления архитектурного своеобразия его деятельности. Архитектура Павлова видится как явление мировой культуры.

Ключевые слова: Владимир Павлов; Иркутск; архитектура; интернациональный стиль; локальное; Иркутский ренессанс; идентичность. /

The article gives a brief general characteristic of the architect Vladimir Pavlov's work in Irkutsk. It considers regional roots, international context and Russian conditions of the emergence of his unique architectural projects. Pavlov's architecture is seen as a phenomenon of world culture.

Keywords: Vladimir Pavlov; Irkutsk; architecture; international style; local; Irkutsk Renaissance; identity.

0 Павлове / About Pavlov

текст

Андрей Боков

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства text

Andrey Bokov

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning

Павловский Иркутск – явление исключительное и удивительное, результат случая, редкого совпадения, из тех, что в истории отечественной архитектуры XX столетия исчисляются единицами. Это совпадение субъективных и объективных обстоятельств. Сильная личность, человек одаренный, с отчетливыми, ясными, внятными представлениями о том, как должен выглядеть окружающий мир, получает возможность эти представления реализовать. Способность понимать, принимать и убеждать единомышленников и начальников, готовность власти и архитектора к риску, их взаимная тяга, вменяемость, ощущение доверия друг к другу – все это породило нечто выходящее за границы, определяемые словами «советский модернизм».

Советский модернизм исчерпывался двумя полярными достижениями. Огромными жилыми образованиями, гигантскими промзонами и целыми городами, созданными по воле бюрократов и технократов, решающих крупные народно-хозяйственные задачи. На другом полюсе нынешние исследователи советского модернизма с удивлением и восторгом обнаруживают непонятно откуда взявшиеся шедевры, авторам которых, даже если они избегали наказания, обычно редко удавалось повторить свой подвиг.

Павловский Иркутск был не тем и не другим. Он оказался устойчивым, мощным, системным явлением, оставившим не исчезающий поныне след. Иркутский архитектурный ренессанс был пробуждением города после долгого периода неопределенности и упадка. Город решил не просто меняться, но меняться по-своему. Предубеждения и запреты, которые навязывались огромной стране, здесь чудесным образом ослабли и утратили силу.

Эпизодические и дозированные отступления от общих правил, от типового и стандартного, разрешались союзным республикам, вроде Армении и Эстонии. Но даже там они не становились правилом и нормой и не достигали той концентрации, той определенности, целостности и единства, которые демонстрировал Иркутск.

Иркутский ренессанс содержал скрытый, неявный вызов Москве. Он был покушением на право столицы определять в том числе и культурную повестку, по край-

ней мере в пределах Российской Федерации. Москва полагала себя ведущей, а провинцию – ведомой. И в роли ведущей настаивала на предельной нейтральности архитектуры. Вольно или невольно Москва советская, социалистическая создавала свой интернациональный стиль, некую противоположность и некое подобие послевоенному интернациональному стилю, возникшему в Америке.

Эта программа, возможно, была бы успешной, если бы советская архитектура 1960–1970-х стала опираться не на скрытые и неявные заимствования, но искать собственные пути, культивировать собственных лидеров вроде Павлова.

Большим советским архитектурным чиновником было невдомек, что глобальные открытия, завоевывающие сердца и умы, рождаются снизу, на локальном уровне, усилиями людей, наделенных способностью к видению.

Иркутский ренессанс можно было бы уподобить достижениям Нижегородской школы, вдохновленной Харитоновым, и тому, что удалось сплоченной группе пиетеров в составе Явейна, Мамошина, Романова, Земцова, Орешкина и других, если бы не одно обстоятельство. Иркутский ренессанс состоялся в иную эпоху, двумя десятилетиями раньше. Павлов едва ли не первый в России открыто выводит архитектуру из тени или из-под пресса стройкомплекса и превращает решение практических задач в художественный акт, в нечто формирующее культуру, неповторимый культурный ландшафт.

Павлов и его коллеги построили, казалось бы, не так много. Возможности и время, отпущенные им, были ограничены, но они среагировали на все вызовы, дали ответы на все вопросы, воспользовавшись всем, чем располагала индустрия того времени, что мог позволить себе не самый богатый советский город.

Современная архитектура, в противоположность ее предшественнице, архитектуре ордерной, классической, опирается на местные локальные или региональные корни. Даже интернациональный стиль, интернациональная архитектура, изменившая лицо профессии, превратившая архитектуру в индустриальный дизайн, имела вполне определенные локальные корни. Эта архитектура рождалась из веры в великое общее будущее, носителем ко-

торой был российский ВХУТЕМАС, и убежденности в силе технологий, на которой вырос германский Баухаус. Усилиями Гропиуса и Миса ван дер Роэ эти представления были перенесены и привиты на американской почве. Они впитали энергию американской индустрии и сами наполнили ее смыслами.

Индустриальный дизайн, возможно, стал бы монополистом и полностью преобразил бы мир, если бы не столкнулся с волной сопротивления, с яркой, волнующей, романтической и разнообразной послевоенной региональной архитектурой.

В отличие от дизайнера, который похож на архитектуру, но работает на индустрию, создающую безразличный к месту массовый типовой продукт, архитектура принадлежит месту и создает места. Архитектура вбирает локальные признаки, особенности и черты, откликается на широкий и узкий конкретный контекст, и сама этот контекст или идентичность создает.

Существуют две идентичности. Одна собрана из материала прошлого, знакомого, старого и привычного; другая – из материала будущего и неведомого. И эти идентичности трудно уживаются друг с другом.

Попытки создания на рубеже XIX–XX веков собственной региональной национальной архитектуры из своего местного исторического материала, из готики, «тюдоров» или нарышкинского барокко особого успеха не имели. Новая региональная архитектура, возникшая после войны, отказывается от прямого копирования и избирает путь поиска новой идентичности, новых отличий, наполняется жизнью, обогащается великими прозрениями и открытиями. Мексика нашла Баррагана, а Финляндия – Аалто. Иркутску судьба предложила Павлова.

Архитектура Павлова принадлежит культуре. Она ощущалась культурным вызовом и манифестом, посягательством на права других, тех, кто считал себя за культуру ответственным, кто видел мир другим, состоящим из материала прошлого, из «почвы» и архаики.

«В моменте», на коротких дистанциях прошлое выглядит более убедительно, чем будущее. Тем более предложенное, увиденное малоизвестным и «не местным» человеком, носителем странных настроений и представителем профессии, постоянно подвергавшейся со стороны

власти жесткому давлению и резкой критике. На стороне будущего оказывается время.

Спустя четыре десятилетия архитектура Павлова стала предметом интереса и внимания, оказалась неотъемлемой частью городского пространства, подобной которой нет ни в одном другом месте.

Иркутский ренессанс, его неожиданный приход, появление и утверждение сопровождался все более ожесточенным и напряженным диалогом между Павловым и Распутиным. У Распутина не возникало претензий к массовой типовой застройке, поглощавшей и уничтожавшей, подобно цунами, близкие его сердцу российские города. Его протест вызывало то, что было отлично от массового и типового, то, что рождалось культурой и было частью культуры ему не близкой и незнакомой. По существу это было продолжением известной российской драмы, продолжением Гражданской войны с участием одаренных, ярких людей, художников, которые видели мир по-разному и каждый считал его своим.

Это была гражданская война в иной форме, продолжение противостояния сибирского консерватизма и сибирского прогрессивизма, представлений, которые были привнесены в Сибирь человеком, воспитанным Питером, имперской столицей, и представлениями людей, долго и не без оснований этот Питер недолюбливающих.

Правы были оба. Каждый по-своему и лишь отчасти. Они не собирались и не пытались прийти к согласию. Результатом был проигрыш, и проигравшим оказался город.

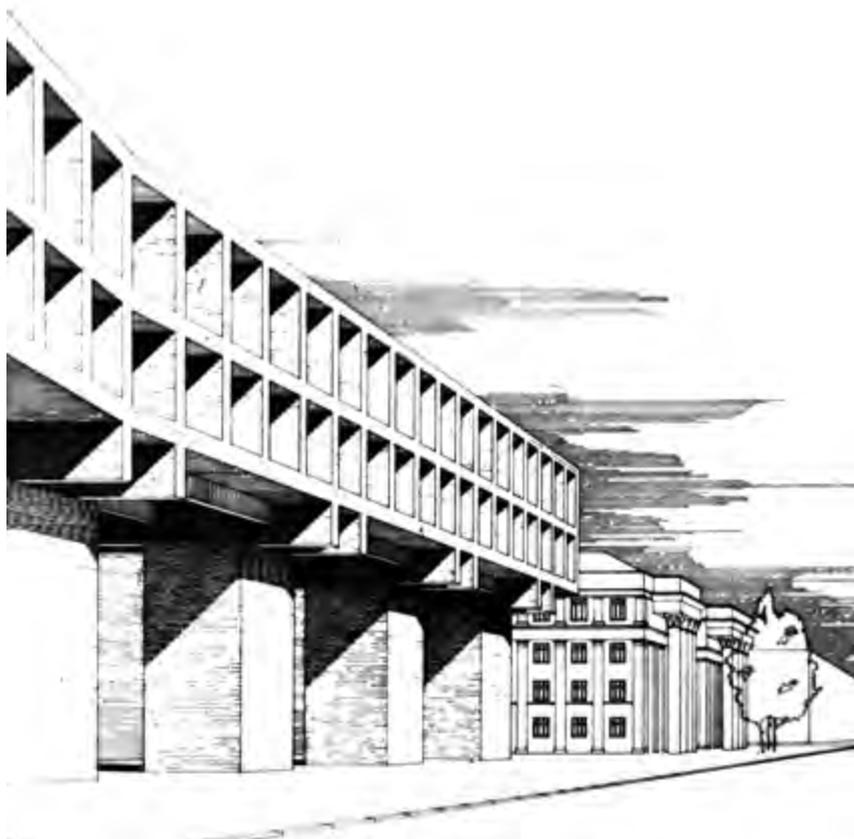
Примирение состоялось спустя десятилетия, без участия обоих оппонентов, после их ухода. Мечта Распутина об «архитектуре корней, почвы и возвращения» была воплощена создателями 130 квартала, учениками и последователями Павлова при активном покровительстве губернатора Мезенцева. Иркутск не на словах, но воочию продемонстрировал себе и миру второе свое лицо, второй ресурс развития. 130 квартал способен вызвать не меньше критики, чем павловское наследие. И важен он, ценен и значим не только сам по себе, но как участник диалога, как обязательный компонент формулы, как часть города, без которой город не является полным и полноценным.

Иркутский ренессанс был уникальной попыткой создания новой российской региональной архитектуры. За пределами нашего Отечества таких в XX веке было немало. И среди создателей региональной архитектуры встречались люди приглашенные, люди неместные, кто, возможно, оказывался более чувствителен и менее обременен предрассудками, те, кто, в отличие от условных «туземцев» или «аборигенов», ощущал более остро и более точно характер пространства, в котором оказался.

Корбюзье вдохновил целый ряд национальных школ и национальных архитектур. Он разбудил Нимейера, ставшего основателем и протагонистом новой бразильской архитектуры. Он вдохновил японскую архитектуру, Танге и тех, кто назвал себя «метаболистами». Йорн Утзон, датчанин, создал театр, ставший символом Австралии. Почти все они еще при жизни были оценены, признаны и обласканы.

Павлов сделал не меньше, но обласкан не был. Мало кто ощущал его человеком миссии, создателем нового лица Сибири и Отечества. Возможно, что он и сам не вполне понимал сложность и характер задачи, которую пытался решить. Сегодня эта задача кажется решенной, и решение это, его последовательность, точность и бескомпромиссность с каждым прожитым годом ощущается все острее.

Павловское видение питалось по меньшей мере из двух источников. Петербург убедил его в том, что правильная архитектура должна быть монументальной, строгой и величественной, под стать гигантской стране. Он

избегал случайных, немотивированных, иррациональных, произвольных движений и жестов, которые поощрялись входившим в моду постмодернизмом. Второй источник был открыт им в Сибири.

Его рука приобрела уверенность, концепции обрели стройность и завершенность при работе с деревом. В одной из первых наших бесед он рассказывал о деревянном «Доме приемов» на Байкале, построенным к предстоящему и отмененному впоследствии визиту американского президента. Врезанные друг в друга, пересекающиеся под прямым углом брусья сруба стали своего рода пластической формулой, ключом к пространственным построениям, которые задумывались и осуществлялись им с использованием всех технологий и материалов, включая ненавистный сборный железобетон и бесценный лицевой кирпич.

Павлов создал современную региональную архитектуру без прямых заимствований, подобно тому как это делали Нимейер и Танге. Он чувствовал, что Сибирь и Иркутск имеют не меньше прав на свою архитектуру, чем любое государство, заведомо уступающее его региону размерами и не превосходящее культурным потенциалом. Он создал архитектуру, основанную на тонких связях и отличиях, на том, что присутствует в атмосфере, что угадывается немногими, а признается и принимается всеми.

Павлов существовал почти в одиночестве, в узком кругу единомышленников, среди которых были лично ему неизвестные герои зарубежных журналов и книг. И этого было ему достаточно для устойчивой убежденности в своей правоте. Это состояние было столь же вдохновляющим и удивительным, сколь и рискованным. Трагедия была неизбежна. Трагедия жизни, карьеры и судьбы.

Павлов слился с тканью и судьбой города, вошел, врос в город и, лишившись его, ушел.

Трудно поверить в то, что один из основных его домов, «дом-манифест», который оказался недостроенным и снесенным, может быть воссоздан. Этот дом существует в мифах и в воображении. Он остается проектом, или той архитектурой, для которой проектное состояние и состояние мечты и нереализованности более характерно, необходимо и важно для сохранения и выживания,

чем состояние присутствия. Сорок лет назад Иркутский дом Павлова в профессиональной среде ассоциировался с его сталинградским тезкой, символом сопротивления и торжества духа. Бесспорные качества в сочетании с трагической судьбой похоже объединят Павловский проект и с несбывшимися монументами, вроде Дворца Советов Иофана или леонидовского Наркомтяжпрома. Эпическая трагедия вызывает больше сочувствия, чем банальное воплощение и тихая незаметная рутинизация.

Все явления глобального свойства имеют локальные корни, локальные истоки, место и дату рождения. Архитектура, лишенная региональных корней, нежизнеспособна, она обязана быть связанной с тем местом, на котором произрастает. Сделанное Павловым было прямой проекцией современной культуры. Проекцией яркой, убедительной и волнующей. С ним можно не соглашаться и спорить, но трудно остаться равнодушным.

Литература

1. Боков, А. Владимир Павлов // Проект Байкал. – 2010. – № 26. – С. 29–31. – DOI : <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.154>
2. Боков, А. Архитектура как школа // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 26–31. – DOI : <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1630>
3. Кудрявцев, А. Архитектурные школы и практики регионов. Записки очевидца. – Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 32–36. – DOI : <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1631>
4. Антипин, К. Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 88–97. – DOI : <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1640>

References

- Antipin, K. (2020). The impact of Irkutsk architecture school on its masters' unique manner. *Project Baikal*, 17(64), 88-97. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1640>
- Bokov, A. (2010). Vladimir Pavlov. *Project Baikal*, 7(26), 29-31. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.154>
- Bokov, A. (2020). Architecture as a school. *Project Baikal*, 17(64), 26-31. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1630>
- Kudryavtsev, A. (2020). Architecture schools and regional practices. Notes of the eyewitness. *Project Baikal*, 17(64), 32-36. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1631>